

Лебедев А. П. Патриарх Геннадий Схоларий [первый Константинопольский патриарх после падения Византийской империи] // Богословский вестник 1894. Т. 3. № 9. С. 389–412 (3-я пагин.).

Геннадій Схоларій, первый константинопольскій патріархъ послѣ паденія византийской имперіи.

Первымъ константинопольскимъ патріархомъ, по паденіи византийской имперіи, былъ какъ извѣстно, Геннадій Схоларій. О немъ мы скажемъ отдѣльно, сейчасъ же, не вводя его личность въ рядъ другихъ патріарховъ. Такъ поступимъ потому, что, во-первыхъ, онъ заслуживаетъ такого особеннаго вниманія историка, а во вторыхъ потому, что факты, относящіеся къ кратковременному правленію Геннадія церковію, требуютъ строгой критической провѣрки, а эта провѣрка ихъ можетъ дать удовлетворительный результатъ только тогда, когда они будутъ проанализированы въ совокупности.

Геннадій (въ мірѣ Георгій) родился около 1400 года или въ Константинополѣ или на о. Хиосѣ. Получилъ образованіе у учителей константинопольскихъ и главнымъ образомъ у Матосея Камаріота (который оставался наставникомъ въ патріаршей школѣ и послѣ паденія Византии) и у извѣстнаго Марка Евгеника. По окончаніи образованія онъ и самъ былъ наставникомъ въ константинопольской „академіи“, затѣмъ получилъ сначала должность царскаго судьи, а потомъ государственнаго секретаря. Само собою понятно, что это было еще до катастрофы, низвергнувшей византийскую имперію. Объ образованности Геннадія ученые держатся — и вполне справедливо — самаго высокаго мнѣнія. Онъ былъ славень, какъ законовѣдъ, считался человекомъ краснорѣчивымъ, какъ риторъ, и превосходилъ другихъ въ качествѣ богослова и философа ¹⁾. Но мы не намѣрены распространяться о Геннадіи, какъ представителѣ вѣка Палео-

¹⁾ Σάθα. *Νεοελληνική φιλοσοφία*, σελ. 12. Афины. 1868.

договъ, а будемъ говорить о немъ исключительно, какъ о первомъ патріархѣ, избранномъ при первомъ султанѣ на тронѣ византійскомъ, — Магометѣ II.

При какихъ историческихъ обстоятельствахъ Геннадій былъ избранъ въ патріархи? Повидимому, этотъ вопросъ такого рода, что много трудиться надъ его рѣшеніемъ нѣтъ необходимости: источниковъ для рѣшенія его существуетъ не мало и притомъ достаточно компетентныхъ; но тѣмъ не менѣе мы прямо должны сказать, что вопросъ этотъ и до сихъ поръ (не смотря на сотни писателей, занимавшихся имъ) не разъясненъ и не рѣшенъ достаточно точно. Къ нашему удивленію оказывается, что мы должны начинать дѣло съ самаго начала. Разгадка этого, повидимому, страннаго явленія заключается въ томъ, что все историки, принимаясь за рѣшеніе указаннаго вопроса, безъ дальнихъ хлопотъ брали во вниманіе какойнибудь одинъ источникъ, ни мало не заботясь ни о сравненіи его съ другими, ни о томъ, чтобы дать себѣ отчетъ о тѣхъ противорѣчійхъ, какими переполнены источники. Не сдѣланное другими сдѣлаемъ мы сами, какъ умѣемъ.

Существуетъ три болѣе авторитетныхъ разсказа относительно обстоятельствъ избранія Геннадія въ патріархи, изъ которыхъ тѣмъ или другимъ, — иногда смѣшивая ихъ, позднѣйшіе историки и пользуются, смотря по вкусу или случайности. Эти разсказы слѣдующіе: во первыхъ Георгія Франдзія, очевидца паденія Константинополя и современника событія; во-вторыхъ разсказъ, заключающійся въ извѣстной *Historia Patriarchica*, изданной Крузіемъ и наконецъ разсказъ, находящійся въ *Historia Politica*, изданной тѣмъ же Крузіемъ. Начнемъ нашъ критическій разборъ съ перваго разсказа. Франдзіи говорить, что въ третій день по паденіи Константинополя Магометъ II съ триумфомъ въѣхалъ въ столицу и первымъ дѣломъ объявилъ, чтобы все попрятавшіеся отъ страха люди (Греки) оставили свои убѣжища, такъ какъ имъ нечего бояться опасностей; затѣмъ онъ распорядился, чтобы и все бѣжавшіе (Греки) изъ города спокойно возвращались въ свои дома, такъ какъ султаномъ давалось имъ право жить сообразно ихъ религіи, какъ было прежде. А также онъ приказалъ, чтобы жители (Греки) избрали себѣ новаго патріарха; влѣдствіе этого

послѣдняго приказанія, замѣчаетъ Франдій, собрались архіереи, какіе только случились здѣсь, а также нѣкоторые, немногіе клирики—и народъ; собравшіеся затѣмъ избрали извѣстнаго Геннадія патріархомъ ¹⁾. Вотъ разсказъ Франдзія. Нѣтъ сомнѣнія, въ общемъ онъ очень простъ и пробуждаетъ довѣріе къ себѣ. Но вотъ что непонятно въ немъ и что дѣлаетъ его сомнительнымъ: вѣроятно ли, чтобы султанъ на третій же день по завоеваніи Константинополя далъ приказаніе избрать патріарха, и что бы архіереи, клирики и народъ съ необычайною торопливостью выполнили волю новаго повелителя Византіи? Это невѣроятно. Самъ Франдзія даетъ основаніе считать его разсказъ сомнительнымъ. Онъ сначала говоритъ о томъ, что султанъ приказалъ всѣмъ попрятавшимся и разбѣгшимся Грекамъ свободно возвращаться во свояси, и затѣмъ—не объяснивъ того, было ли исполнено или нѣтъ это распоряженіе султана—прямо приступаетъ къ разсказу объ избраніи патріарха клиромъ и народомъ. Но само по себѣ понятно, что если, выше нами указанное, распоряженіе о возвращеніи Грековъ въ столицу не сейчасъ же было приведено въ исполненіе—а это, конечно, не возможно было сдѣлать—то фактъ избранія перваго патріарха произошелъ не на третій день послѣ завоеванія Константинополя и даже не очень скоро послѣ этого событія, потому что нужно было значительное время, чтобы напуганный, ограбленный, раззоренный народъ вернулся въ столицу. А если, сообразно словамъ Франдзія, будемъ представлять дѣло такъ, что приказаніе султана объ избраніи патріарха было исполнено раньше возвращенія Грековъ изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстъ, куда они разбѣжались-было, то мы никакъ не можемъ дать себѣ отчета въ томъ: да кто же могъ избрать патріарха въ опустѣломъ городѣ, въ который сначала нужно было снова привлечь Грековъ? Да и откуда, какъ по маловенію волшебнаго жезла, взялись бы архіереи и клирики, участіе которыхъ въ избраніи патріарха необходимо предполагается разсказомъ самаго Франдзія? Нѣтъ, разсказъ Франдзія не можетъ удовлетворять историка, критически относящагося къ историческимъ свидѣтельствамъ. Не смотря на явную несообразность раз-

¹⁾ Frantzac. Chronicon majus, lib. III, p. 893 (Migne Gr. tom. 156).

сказа Франдзія, однакожь даже повѣйшіе и лучшіе историки и до сихъ поръ повторяють его въ своихъ историческихъ трудахъ ¹⁾. Какъ случилось, что Франдій, будучи современникомъ, интересовавшимся событіями, и человѣкомъ образованнымъ, могъ такъ напутать—рѣшить этотъ вопросъ не легко. К. Сата хочеть объяснить разсматриваемую странность тѣмъ, что Франдій писалъ на основаніи слуховъ ²⁾, но вѣдь слухи можно провѣрять. Не естественнѣе ли объяснить путаницу въ рассказѣ византійскаго историка тѣмъ, что онъ писалъ свою хроннику въ старости и больной и потому не все твердо помнилъ? Что забывчивость играла не послѣднюю роль въ ошибкахъ Франдзія, объ этомъ отчасти можно догадываться и потому, что онъ наприм. (въ томъ же рассказѣ) утверждаетъ, будто послѣдняго патріарха, на мѣсто котораго избранъ Геннадій, не было въ живыхъ, тогда какъ этотъ патріархъ, будучи упіатомъ (говоримъ о Григоріи Маммѣ), много раньше бросилъ Константинополь и еще долго прожилъ мирно на западѣ.

Столь же неудовлетворительно, какъ и рассказъ Франдзія относительно обстоятельствъ избранія Геннадія, повѣствованіе объ этомъ событіи, находящееся въ *Historia Patriarchica*. Повѣствованіе это довольно длинно, но къ сожалѣнію мы должны войти во все его подробности. Разсматриваемый историкъ поступаетъ еще страннѣе, чѣмъ Франдій, когда заставляетъ султана Магомета назначить выборы чуть-ли не въ самый день паденія Константинополя (29 мая). Рассказъ начинается извѣстіемъ, что султанъ Магометъ, въѣхавъ въ столицу и принимая поздравленія съ побѣдой, замѣтилъ съ удивленіемъ, что патріархъ константинопольскій не являеться привѣтствовать счастливаго побѣдителя. Такое неуваженіе къ своей личности,—по рассказу историка—возбудило его сильный гнѣвъ, и онъ, призвавъ къ себѣ клириковъ (откуда они взялись?), началъ ихъ спрашивать: почему патріархъ не явился привѣтствовать его, какъ своего законнаго царя. Клирики—по сло-

¹⁾ Разумѣемъ извѣстнаго Шихлера, Гаммера, историка „Оттоманскаго царства“, Икономоса (Мату), проф. Скабаланиовича, Стасюлевича („Осада и взятіе Константинополя“) и др.

²⁾ Sathas. Bibl. Gr. III, *Προλ.*, 25.

вамъ автора— отвѣчали, что въ Константинополѣ уже давно нѣтъ патриарха, что послѣдній патриархъ самовольно оставилъ кафедру, а что на его мѣсто новаго патриарха избрано не было (нужно сказать, что слова, влагаемые здѣсь въ уста клириковъ, заключаютъ дѣйствительную историческую истину). Тогда гнѣвъ султана остылъ, и онъ приказалъ имъ выбрать въ патриархи того, кого они сами хотятъ ¹⁾. Повѣствованіе это, находящееся въ *Historia Patriarchica*, ниже всякой критики. Не говоримъ уже о хронологіи, она ни съ чѣмъ не сообразна, — и весь-то рассказъ о бесѣдѣ Магомета съ клириками виситъ на воздухѣ. Франдзій ни словомъ не упоминаетъ объ такомъ событіи. Да и взятый самъ по себѣ рассказъ обличаетъ собственную нелѣпость. Прежде, чѣмъ начать рѣчь о бесѣдѣ Магомета съ клириками, авторъ заявляетъ, что этотъ султанъ и раньше очень хорошо былъ знакомъ съ Константинополемъ и всѣми порядками въ немъ, такъ какъ по-долгу жывалъ въ немъ еще когда былъ живъ отецъ его—Муратъ. Но если Магометъ въ самомъ дѣлѣ знакомъ былъ съ положеніемъ дѣлъ въ Константинополѣ, то онъ, конечно, долженъ былъ знать, что патриарха въ Константинополѣ давно нѣтъ, что онъ бѣжалъ на западъ: патриархъ былъ слишкомъ важнымъ лицомъ, чтобы объ отсутствіи его не было всеобщаго говора. Далѣе: авторъ настойчиво внушаетъ читателю мысль, что будто Магометъ сильно гнѣвался, не видя патриарха, который, по его соображенію, долженъ былъ явиться на поклонъ къ новому властелину Византіи. Но гнѣвъ султана не имѣетъ для себя достаточнаго мотива, судя по рассказу автора. Прежде, чѣмъ гнѣваться, самое простое благоразуміе требовало, чтобы султанъ первѣе всего навелъ справки: въ столицѣ ли патриархъ? Не бѣжалъ ли онъ? Или не убить ли? Рассказывая о томъ, что султанъ гнѣвался на патриарха за неавку къ нему, историкъ въ то же время заявляетъ, что Магометъ очень сильно желалъ побесѣдовать съ патриархомъ о христіанской вѣрѣ и поучиться у него божественному. Но, конечно,—что нибудь ужъ одно нужно допускать: или то, что султанъ сильно гнѣвался на патриарха, предполагая, что онъ не является

¹⁾ *Historia Patriarch.*, p. 79. (Edit. Bonn.).

къ нему изъ упорства, или то, что онъ сильно желалъ побесѣдовать съ константинопольскимъ первосвятителемъ о предметахъ божественныхъ. Допускать одновременное существованіе въ душѣ Магомета и гнѣва, и религіозныхъ порывовъ—можетъ только авторъ разбираемаго разсказа. Затѣмъ авторъ передаетъ извѣстія о томъ, какъ происходило самое избраніе Геннадія въ патріархи и его интронизация. Но и эта часть повѣствованія не выдерживаетъ критики. Авторъ, сообщивъ краткія свѣдѣнія о Геннадіи, увѣряетъ, что архіереи, откуда-то призванные клириками, избрали Геннадія въ патріархи ¹⁾ (несмотря будто бы на его сопротивление—о чемъ ничего не говорится въ другихъ источникахъ), совершили малое провозглашеніе патріархомъ (*μικρὸν μίρριμα*), а потомъ въ присутствіи народа и великое провозглашеніе (*μέγα μίρριμα*), и наконецъ повели его въ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ и рукоположилъ его митрополитъ Ираклійскій ²⁾. Разсказъ этотъ явная выдумка автора, ничѣмъ не подтверждающійся и заключающій внутренніи противорѣчія, и переполненъ аналогіями, взятыми изъ болѣе поздняго или болѣе ранняго времени. Въ самомъ дѣлѣ, что клирики бѣгали по окрестностямъ Константинополя и собирали архіереевъ для совершенія избранія патріарха, это ни мало не вѣроятно. Такое примышленіе явилось у автора въ качествѣ естественнаго результата, полученнаго отъ того, лишеннаго всякой вѣроятности, утвержденія разбираемаго историка, что будто султанъ допрашивалъ константинопольскихъ клириковъ: почему не явился къ нему на поклонъ патріархъ, и что будто онъ приказалъ имъ избрать новаго пастыреначальника столицы. А что касается разглагольствій автора о маломъ и великомъ провозглашеніи Геннадія патріархомъ и посвященіи его Ираклійскимъ митрополитомъ, то все это аналогіи, взятая авторомъ частію изъ прежняго времени, а частію изъ болѣе поздняго — аналогіи, для которыхъ нѣтъ основаній въ томъ, что мы знаемъ объ избраніи перваго

¹⁾ Проф. П. Н. Малышевскій („Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ“, Кіевъ, 1872) говоритъ: избраніемъ Геннадія озаботились *клирики* (курсивъ автора) константинопольскіе, какими были не только духовные, но міряне изъ знатныхъ фамилій города“ (стр. 3). Клирики времени Геннадія изъ числа знатныхъ лицъ, изъ аристократовъ! Въ самомъ дѣлѣ?!

²⁾ Hist. Patr., p. 80.

патріарха изъ хроники Франзія: актъ избранія Геннадія, конечно, происходилъ до-нельзя просто. Не до парада уже было! Наконецъ, живописуя избраніе Геннадія на константинопольскую кафедру, авторъ явно договорился до странности, когда увѣряетъ, что посвященіе Геннадія теперь же происходило въ храмъ св. Апостоловъ; но вѣдь храмъ то этотъ сначала нужно было получить отъ султана, которому по праву завоевателя принадлежали все монументальныя публичныя зданія въ столицѣ, а потомъ уже распространяться въ немъ, по своему усмотрѣнію? Нашъ авторъ и самъ потомъ сообразилъ, что нельзя было архіереямъ вести Геннадія въ храмъ Апостоловъ, не получивъ сначала права на владѣніе имъ отъ самого султана; а потому, чрезъ нѣсколько строкъ, какъ ни въ чемъ не бывало онъ рассказываетъ о томъ, какъ Магометъ, убѣдившись въ мудрости Геннадія и почувствовавъ къ нему расположеніе, отдалъ въ его распоряженіе храмъ Апостоловъ ¹⁾. Это такъ и было въ самомъ дѣлѣ, но гдѣ и какъ происходила хиротонія Геннадія—мы ничего не знаемъ. Можемъ сдѣлать слѣдующее предположеніе и его нужно признать очень вѣроятнымъ: Геннадій былъ хиротонисанъ (нужно помнить, что Генна-

¹⁾ Не говоримъ уже о томъ, что разсказа о бесѣдѣ султана съ клириками, объ отысканіи и собраніи архіереевъ этими послѣдними для поставленія патріарха и пр. нѣтъ у Франзія (это уже намъ извѣстно); но и До (le) роеей и Кигала даютъ ясно понимать, что весь разбираемый разсказъ въ Hist. Patriarchica есть чистѣйшая несообразность съ историческою дѣйствительностію. До (le) роеей (*Визлѣон ѿστοριχόν*, стр. 419. Венеція, 1798) хотя и сообщаетъ извѣстія объ избраніи Геннадія по Hist. Patriarchica (по ней одной), но неговоритъ ни о дѣятельности клириковъ, имѣющей цѣлю отысканіе и созваніе архіереевъ, ни о двоякомъ провозглашеніи Геннадія патріархомъ, ни о посвященіи его въ архіерей въ храмъ Апостоловъ митрополитомъ ираклійскимъ; а извѣстную бесѣду султана съ клириками замѣняетъ (конечно не безъ умысла) слѣдующимъ извѣстіемъ: „прибыль султанъ въ городъ, спросилъ (кого—умолчено) о патріархѣ и ему сказали, что патріарха нѣтъ; тогда онъ приказалъ избрать новаго патріарха, руководясь въ этомъ случаѣ хитростію, ибо желалъ, чтобы городъ опять наполнился народомъ“. А что касается Кигалы, онъ совсѣмъ избѣгаетъ извѣстій Hist. Patriarchica, когда ему приходится говорить объ избраніи Геннадія, онъ говоритъ объ этомъ событіи исключительно на основаніи Historia Politica (объ извѣстіяхъ касательно избранія Геннадія въ этомъ источникѣ рѣчь впереди). Значитъ и Героея, и Кигалу смущалъ разсказъ въ Historia Patriarchica.

дѣй не былъ архіереемъ до избранія въ патріархи) въ храмѣ Апостоловъ, съ этимъ вмѣстѣ онъ сдѣлался и патріархомъ, но это произошло послѣ того, какъ султанъ утвердилъ его избраніе въ патріархи и отдалъ названный храмъ въ распоряженіе новопоставленнаго предстоятеля церкви константинопольской.

Спрашивается: какимъ образомъ могъ возникнуть такой, переполненный небывлицами, рассказъ въ *Historia Patriarchica*? Авторомъ этого сочиненія, какъ извѣстно, былъ митрополитъ артскій Дамаскинъ Студитъ, рукописью котораго воспользовался Малакъ, исполняя желаніе Крузія имѣть у себя исторію патріарховъ турецкаго періода. Но Малакъ, который, какъ утверждаетъ Сата (см. „Обзоръ источниковъ“), иногда пополнялъ рассказы Дамаскина, на этотъ разъ ни въ чемъ невиновенъ: случаи, гдѣ Малакъ позволилъ себѣ сдѣлать дополненія къ повѣствованію Дамаскина, извѣстны, благодаря опять таки Сатѣ (см. тамъ же), къ сообщеніямъ же о Геннадіи этотъ не дѣлалъ никакихъ прибавокъ. Значитъ вся отвѣтственность падаетъ исключительно на первоначальнаго автора — Дамаскина. Откуда взялъ свои извѣстія Дамаскинъ, мы ничего не знаемъ. Возможно, что онъ ихъ не сочинялъ самъ, а бралъ откуда нибудь со стороны, наприм. изъ преданія. Чтобы не слишкомъ строго судить Дамаскина за его погрѣшности въ указанномъ случаѣ, мы должны сказать, что ему не была извѣстна хроника Франдія, которая могла бы служить для него регуляторомъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, въ вопросѣ объ избраніи Геннадія. Во всякомъ случаѣ мы дѣлаемъ, какъ намъ кажется, очень вѣроятную догадку, что Дамаскинъ, сообщая разбираемый нами рассказъ, лишь варьировалъ другой рассказъ о Геннадіи, именно тотъ, который находится въ третьемъ изъ вышеуказанныхъ нами источниковъ — въ *Historia Politica* ¹⁾, которая по своему происхожденію

¹⁾ Сравненіе текста *Historia Patriarchica* съ текстомъ *Historia Politica* въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о Геннадіи, приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: *Hist. Patr.* p., 79: *καὶ τοὺς, ξείλας, ἵπποιον θέλοντες καὶ κάμοντες* (*Hist. Polit.* p, 27: *καὶ ἐκλεξάμενοι ὃν ἦν θέλωσι*); *Hist. Patr.* *ibid.*: *οὐτὶ καὶ κάμοντες πατριάρχην, τὸ ἐκκεῖ τέρην διὰ τὰ ἀκούοντες οἱ χριστιανοὶ ὅτι ἔχοντες πατριάρχην καὶ τὰ τέρην εἰς τὴν πόλιν* (*Hist. Polit. ibid.*: *ἐποίησε τὸ ἐκτέχνως, ἐν ἀκούσασιν οἱ ἀπαιταχοῦ Γραικοὶ καὶ συναθροίζονται ἐν*

приписывается впрочемъ самому же Дамаскину (какъ это дѣлаетъ Сата. См. „Обзоръ источниковъ“).

Лучше прочихъ рассказовъ о событіи избранія Геннадія повѣствованіе объ этомъ предметѣ, находящееся въ *Historia Politica*. Оно лучше впрочемъ не тѣмъ, что богаче извѣстіями или болѣе компетентно, а тѣмъ, что оно даетъ ясный и точный отвѣтъ на вопросъ о времени, когда именно избранъ былъ Геннадій въ патриархи, впрочемъ и самый рассказъ о событіи, не смотря на его краткость, даетъ удовлетворительное разъясненіе этого послѣдняго. Изъ *Historia Politica*, приписываемой по ея происхожденію, какъ мы сейчасъ сказали, Дамаскину и пересланной потомъ Θεοδοσίῳ Ζιγομολᾷ къ Крузію въ Тюбингенъ, гдѣ она въ первый разъ и напечатана, — открывается, что дѣло избранія Геннадія далеко не вдругъ случилось, а что между фактомъ паденія Константинополя и актомъ избранія Геннадія воды много утекло. Здѣсь говорится, что, по завоеваніи Константинополя, Магометъ первымъ дѣломъ озаботился приведе-

τῇ πόλει); *Hist. Patr.* p. 80. ἐξέλεξαν Γεώργιον. ὁ ὁποῖος ἦτον χρητῆς ἦτον δὲ ἄνδρας ἀγιώτατος, καὶ ἐλευθέρατος (*Hist. Polit. ibid.*: ἐξελέξαντο Γεώργιον χρητὴν, ἄνδρα ἅγιον καὶ ἐλευθῆρην; *Hist. Patr.*, p. 81: ἔβλεπε τοῦ βασιλεῦς μὲ τὸ χεῖρι του τὸ δικαίον (*Hist. Polit. ibid.*: ἰδίαις χερσὶ δέδωκεν αὐτῷ δεκανίκιον); *Hist. Patr. ibid.*: ἔδωκε τὸν καὶ ναὸν τῶν ἀποστόλων (*Hist. Polit. p. 28*: „ἔχε καὶ τὸν ναὸν τῶν ἀποστόλων“); *Hist. Patr.*, *ibid.*: ἠγάπησε πολλὰ τὸν πιστιώρη (*Hist. Polit.*, p. 30: ἠγάπα αὐτὸν πιστιώρη). Ясно, что авторъ *Historia Patriarchica* бралъ фразу за фразой въ порядкѣ и послѣдовательности, съ нѣкоторыми пропусками (одинъ разъ съ значительнымъ пропускомъ) изъ *Historia Politica* и присоединялъ къ нимъ свои неизвѣстно откуда взятые комментаріи, которые, какъ мы видѣли, не имѣютъ подѣ собою исторической основы. Авторъ, значить, работалъ очень не замисловато. Какъ извѣстно *Historia Politica* по своему происхожденію приписывается Дамаскину, который считается и авторомъ *Historia Patriarchica*. Отсюда возникаетъ вопросъ: списывалъ ли авторъ самъ у себя—т. е. написавъ *Hist. Politica*, сталъ ли онъ потомъ на ея основаніи создавать рассказъ объ избраніи Геннадія въ *Hist. Patriarchica*? или же *Historia Politica* не была его собственнымъ трудомъ (а только случайно приписывается ему) и онъ, лишь основываясь на ней, выводилъ свои узоры въ писанной имъ *Historia Patriarchica*? Рѣшеніе этого вопроса превышаетъ наши силы и средства; но какъ бы ни рѣшать этого вопроса, во всякомъ случаѣ необходимо признать, что *Historia Polit.* болѣе первоначальное произведеніе, чѣмъ *Hist. Patriarchica*, которая по крайней мѣрѣ въ указанномъ нами примѣрѣ представляетъ дальнѣйшую обработку данныхъ первой изъ сейчасъ названныхъ „исторій“.

нiемъ города въ благоустроенный видъ, учредилъ полицейскую стражу, назначилъ судей и вообще ввелъ административный порядокъ. А устроивъ необходимыя дѣла въ Константинополѣ, Магометъ совсѣмъ уѣхалъ изъ завоеванной столицы и сталъ жить въ Адрианополѣ ¹⁾ (о патріархѣ въ то время еще у него, повидимому, и думы не было). Долго ли онъ оставался въ Адрианополѣ, въ точности неизвѣстно. Думаютъ, что онъ пробылъ здѣсь до осени 1453 года, а можетъ быть и до весны слѣдующаго 1454 года; изъ Адрианополя Магометъ не прямо вернулся въ столицу, а побывалъ еще въ городѣ Пруссе въ Вионни. Во всякомъ случаѣ вернулся онъ снова въ Константинополь не раньше весны 1454 года ²⁾, а потому раньше этого времени и избранія Геннадія въ патріархи быть не могло. Уже по тому самому не могло происходить выбора Геннадія въ патріархи и его посвященія въ скоромъ времени, послѣ паденія Константинополя, — что, какъ оказывается, и Геннадія то въ это время въ столицѣ совсѣмъ не обрѣталось. Въ виду грозящей катастрофы (паденія Константинополя) или точнѣе послѣ нея Геннадій бѣжалъ въ Адрианополь, гдѣ съ величайшею тщательностію и скрылся въ какой то деревенькѣ: онъ, конечно, боялся быть схваченнымъ и проданнымъ въ плѣнъ. И многого потомъ труда стоило отыскать его въ сельскомъ уединеніи. Думаютъ, что въ поискахъ за нимъ участіе принималъ султанъ Магометъ ³⁾. Развѣ все это могло произойти быстро и безъ запинокъ? Но продолжимъ рассказъ, находящійся въ *Historia Politica*. Когда султанъ послѣ продолжительнаго отсутствія возвратился въ столицу и увидалъ, что христіане не дѣлаютъ религиозныхъ собраній (вѣроятно здѣсь дѣло идетъ о собраніяхъ синода и торжествен-

¹⁾ Hist. Polit., p. 24 - 25. (Edit Bonn.).

²⁾ Въ *Histor. Polit.* послѣ упоминанія объ устроеніи Магометомъ дѣла въ Константинополѣ разсказывается, что до времени избранія патріарха, Магометъ надѣлалъ еще много дѣлъ; но такъ какъ эти извѣстія представляются не согласными съ правильной хронологіей, то мы, основываясь на изысканіяхъ Саты, упоминаемъ здѣсь лишь о томъ, сколько времени Магометъ, по удаленіи въ Адрианополь, не бывалъ въ столицѣ, что такъ важно для нашего вопроса (*Sathas. Bibl. Loc. cit. Проу., стр. 25*). Думаемъ, что не допускаямъ непростительной вольности, внося въ разсказъ изъ *Hist. Pol.* основательную замѣтку изъ Саты.

³⁾ *Sathas. Bibl. Gr., III, Проу. 26.*

номъ празднованіи важнѣйшихъ праздниковъ), то обратился съ вопросомъ къ своимъ приближеннымъ, а равно своимъ секретарямъ — изъ христіанъ, о томъ, что это значить? Понятно, что въ отвѣтъ получилося заявленіе, что греческіе христіане не имѣютъ патріарха. Тогда султанъ, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанъ, бывшихъ на его службѣ въ качествѣ секретарей ¹⁾, далъ повелѣніе, чтобы собрался христіанскій пародъ греческій и выбралъ себѣ патріарха, какого пожелаютъ (*ходъ дѣла, замѣтимъ, очень нату- ральный и описаніе безвыскусственно*). Очень умѣстнымъ представляется здѣсь добавленіе писателя, что, давая подобное дозволеніе, Магометъ, руководился не чувствомъ какого нибудь расположенія къ христіанамъ, а просто этою милостью онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ сердца своихъ новыхъ подданныхъ и заставить ихъ снова вернуться въ столицу изъ того разсѣянія, къ какому привело ихъ паденіе столицы и водвореніе здѣсь иновѣрной власти. Затѣмъ писатель *Historia Politica* сообщаетъ краткія свѣдѣнія о личности новоизбраннаго патріарха — Геннадія; эти извѣстія уже намъ встрѣчались прежде. Наконецъ дѣлается писателемъ замѣчаніе, что султанъ подчинилъ патріарху церкви Константинополя и всѣ церкви всѣхъ прочихъ епархій константинопольскаго патріархата, какъ это было при патріархахъ до завоеванія Константинополя ²⁾. (*Весь рассказъ этотъ, при его замѣчательной простотѣ, дышитъ историческою правдивостію.*) Таково сказаніе автора *Historia Politica*. Мы находимъ, что наука должна придавать ему большое значеніе и считать его наиболѣе достовернымъ. Это сказаніе тѣмъ болѣе драгоценно, что оно въ главномъ и существенномъ не разнится съ вышеприведеннымъ сказаніемъ Франдзія, современника событія. Если выбросить изъ разсказа Франдзія объ обстоятельствахъ избранія явныя несообразности, то извѣстія этого византійскаго историка и автора *Historia Politica* вполне совпадаютъ, что не можетъ не служить къ подтвержденію достоверности повѣствованія

¹⁾ Этнхъ самыхъ секретарей султана авторъ сочиненія *Historia Patriarchica*, неизвѣстно почему, превратилъ въ христіанскихъ клириковъ (вѣроятно для того, чтобы придать болше церковности избранію Геннадія).

²⁾ Hist. Polit. p. 26—27.

этого послѣдняго автора. Кто писалъ *Historia Politica* — самъ ли Дамаскинъ Студитъ или же онъ напелъ ее въ готовомъ видѣ и усвоилъ собѣ, — во всякомъ случаѣ нужно благодарить судьбу, что она сохранила до нашего времени такой памятникъ сѣдой старины, какъ *Historia Politica*.

Что же послѣдовало далѣе, послѣ того, какъ избранъ былъ Геннадій патріархомъ и ему возвѣщено отъ имени султана, что онъ будетъ имѣть такія же права, какія имѣли его предшественники по кафедрѣ? Послѣдовало представленіе Геннадія Магомету II. Это обстоятельство всѣми болѣе авторитетными древними писателями описывается почти одинаково. Но лучше всѣхъ изобразилъ его Георгій Франдзій. Его повѣствованіе производитъ сильное впечатлѣніе на читателя своею ясностію, правдивостію и прямою. Вотъ что говорится у Франдзія. Желая въ отношеніяхъ къ христіанамъ показать себя подражателемъ византійскихъ христіанскихъ императоровъ, Магометъ, тотчасъ по избраніи Геннадія на константинопольскую кафедру, пригласилъ его во дворецъ. Когда онъ прибылъ къ султану, новый властелинъ Византіи принялъ его съ большою честью, раздѣляя съ нимъ трапезу и много бесѣдовалъ. Въ разговорѣ султанъ наобѣщавъ ему много хорошаго. Авторъ *Historia Politica* прибавляетъ къ этому, что Магометъ между прочимъ сказалъ Геннадію: „да будетъ патріаршество твое благополучно, охотно буду исполнять твои желанія, даю тебѣ храмъ св. Апостоловъ, гдѣ ты и станешь жить“. Когда окончилась трапеза, а съ нею и бесѣда двухъ главъ — мусульманской и христіанской — греческаго міра, тогда султанъ передалъ Геннадію многоцѣнный жезлъ, какъ дѣлывали и византійскіе императоры, при первомъ представленіи имъ новозбраннаго патріарха; наконецъ, онъ проводилъ его до выходныхъ дверей дворца ¹⁾, здѣсь уже приготовлена была прекрасная лошадь, богато разукрашенная;

¹⁾ Кигала (стл. 428) присовокупляетъ, что Магометъ, кромѣ того, подарилъ Геннадію извѣстную сумму денегъ золотомъ. Этотъ писатель, рассказывая исторію избранія патріарха, держится исключительно показаній *Hist. Polit.*, въ отличіе отъ Дороея (Іероея), который эту же исторію (419) рассказываетъ исключительно по *Hist. Patriarchica*. Вотъ еще новый фактъ доказывающій, что Кигала не списывалъ воровски у Іероея, какъ инсинуируетъ Сага.

она назначалась въ подарокъ новоизбранному святителю столицы. Подобнымъ же образомъ поступали и византійскіе императоры, когда провожали новаго патріарха. Геннадій сѣлъ на коня—честь, которой лишена была греческая раія—и двинулся по направленію къ храму Апостоловъ, который, по волѣ султана, долженъ былъ стать резиденціей патріархіи. Многочисленная султанская свита, блестящая и пестрая своимъ паразитическимъ разнообразіемъ, отправилась въ путь вмѣстѣ съ Геннадіемъ,—окуживъ его какъ кольцомъ. Наконецъ новоизбранный патріархъ пріѣхалъ къ мѣсту назначенія ¹⁾ и водворился около великолѣпнаго храма, служившаго прежде усыпальницей императоровъ. Авторъ *Historia Patriarchica* къ этому разсказу присоединяетъ свѣдѣніе, что султанъ весьма полюбилъ патріарха за его умъ и религіозность. Такъ ли сильно полюбилъ Геннадія султанъ за умъ и благочестіе, этого мы не можемъ утверждать съ рѣшительностію: въ глазахъ Магомета и Геннадій все же былъ гяуръ. Но несомнѣнно ему было пріятно, что избранъ именно Геннадій, врагъ уніи, папства и слѣдовательно запада, а султану было очень выгодно, въ интересахъ политики, чтобы во главѣ Грековъ стоялъ недругъ папы и запада. Это могло служить гарантіей, что патріархъ не будетъ интриговать противъ новаго властелина и искать помощи своему народу тамъ, гдѣ искали ее императоры—Палеологи въ борьбѣ съ османлисами.

О самомъ патріаршествованіи Геннадія не много можно сказать любопытнаго. Это зависитъ не только отъ того, что наши источники не богаты въ этомъ отношеніи, но и отъ того и это главное—что Геннадій правилъ церковію очень короткое время. Онъ вскорѣ отказался отъ кафедры. До сихъ поръ, согласно показаніямъ общесивѣстныхъ источниковъ, полагали, что Геннадій возсѣдалъ на престолѣ или пять лѣтъ, или столько-же лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами ²⁾. Но теперь самымъ положительнымъ образомъ на основаніи вновь открытыхъ свидѣтельствъ, предъявляемыхъ К. Сатою и М. Гедеономъ, стало несомнѣнно, что всего навсего первый

¹⁾ Frantzae. Chronicon majus, p. 894—895. Hist. Politica, p. 27—28. Hist. Patr., p. 81.

²⁾ Hist. Polit., p. 31; Hist. Patr. 94.

патріархъ турецкой имеріи правилъ столичною церковью лишь два года ¹⁾. Разумѣется въ два года нельзя много сдѣлать и самому энергичному патріарху; положимъ Геннадію отнюдь нельзя отказывать въ дѣятельныхъ способностяхъ и энергіи, но все-таки и онъ едва-ли много могъ сдѣлать для блага церкви въ такое время, когда всѣмъ христіанамъ Греціи, начиная съ самого патріарха, нужно было паче всего думать о томъ, какъ устроить *modus vivendi*. Потому то ничѣмъ особеннымъ и не было ознаменовано это патріаршествованіе замѣчательнѣйшаго по уму и учености изъ патріарховъ турецкаго періода.

При Геннадіи произошло перенесеніе патріаршей резиденціи отъ храма Апостоловъ въ монастырь „Всеблаженной“ (т. е. Богоматери). Причина перенесенія во всѣхъ лучшихъ источникахъ указывается согласно. Мѣсто вокругъ храма Апостоловъ было очень пустынно: война съ Турками и послѣдовавшее за паденіемъ Византіи бѣгство Грековъ изъ отечества имѣли слѣдствіемъ то, что окрестности этого храма походили на пустыню. Къ тому же близъ самаго храма найденъ былъ убитый. По однимъ извѣстіямъ (Франдзій)—это былъ Турокъ, по другимъ—какой-то неизвѣстный чело­вѣкъ. Такое обстоятельство привело въ страхъ патріарха. Если убитымъ былъ Турокъ, само собою понятно, что это могло вести къ непріятнымъ столкновеніямъ съ Портою, а если убитый и не былъ Туркомъ, то все же у патріарха появилась боязнь за личную безопасность и за жизнь своихъ приближенныхъ. Какъ бы то ни было подъ вліяніемъ указаннаго инцидента Геннадій рѣшилъ переселиться въ мѣсто болѣе людное. О своемъ намѣреніи онъ доложилъ Магомету II, который вполне благосклонно принялъ извѣстіе. Согласно желанію патріарха султанъ предоставилъ ему право—перейти на жительство въ храмъ „Всеблаженной“. Гедеонъ думаетъ, что патріархъ перебрался на новое мѣсто жительства или въ концѣ 1455, или началъ слѣдующаго года ²⁾. Храмъ Всеблаженной составлялъ часть древняго женскаго монастыря, не покинутого монахинями и въ то время, когда патріархъ пожелалъ взять этотъ монастырь

¹⁾ Sathas. *loc. cit.*, σελ. 26; Γεδεών, σελ. 473

²⁾ Γεδεών. *Χρονικά τοῦ πατριάρχ. οἴζον καὶ τοῦ γαοῦ*. σελ. 52.

себѣ подѣ патриархію. Монахи были переведены въ какой то монастырь Предтечи, что въ Трулѣ. Такъ патриархъ водворился въ новомъ мѣстожителствѣ. Монастырь, сдѣлавшійся патриархіей, былъ очень удобенъ: на сѣверѣ отъ храма находился прекрасный дворецъ, въ которомъ, конечно, и поселился патриархъ, вокругъ жило много народу и ничто не напоминало пустынныхъ окрестностей храма Апостоловъ ¹⁾. Судя по имѣющемуся у насъ плану Константинополя XVI вѣка, мѣсто гдѣ находилась патриархія послѣ ея перенесенія, было прекрасное; сама патриархія имѣла очень внушительный и почтенный видъ — она походила на замокъ, вокругъ была обширная площадь и просторъ ²⁾. Патриархи оставались при храмѣ „Всеблаженной“ почти до самаго конца XVI вѣка.

Въ новой патриархіи Геннадій имѣлъ удовольствіе принимать у себя рѣдкаго гостя, — разумѣемъ султана Магомета. Источники удостовѣряютъ, что будто бы случайно султанъ разѣ ѣхалъ мимо патриархіи, обратилъ на нее вниманіе, захотѣлъ сдѣлать визитъ патриарху, что, конечно, и исполнилъ. Бесѣда вселенскаго патриарха съ надишахомъ, по извѣстіямъ источниковъ, имѣла очень знаменательный характеръ. Султанъ, питая уваженіе къ вѣрѣ христіанской, долго бесѣдовалъ съ Геннадіемъ, интересуясь разными богословскими вопросами. Мы однакожь не думаемъ, чтобы визитъ султана былъ случаенъ, а равно не допускаемъ, чтобы Магометъ искренно интересовался христіанскою религіей. Магомету не сразу, конечно, удалось помирить цивилизованный греческій народъ съ новымъ варварскимъ правительствомъ; между тѣмъ въ видахъ султана было привлечь на свою сторону образованныхъ Грековъ. Съ этою цѣлью онъ при первой возможности далъ имъ право избрать патриарха; а теперь, съ тою же самою цѣлью, онъ удо-

¹⁾ Frantzae. Chronicon, p. 895—6; Hist. Polit., p. 28; Hist. Patr., 81—82 *Γεδεών. Χρονικά τοῦ πατριάρχου. Ἰλιχον, σελ.* 52—54 (но только напрасно Гедеонъ, говоря о переводѣ монаховъ въ монастырь Предтечи, цитируетъ какого то Грека Паспатиса: ему слѣдовало бы цитировать Францзія).

²⁾ Caedicius. Ancien plan de Constantinople, imprimé entre 1566 et 1674. Переизданъ недавно въ Константинополѣ, но годъ новаго изданія не обозначенъ. См. также рисунки патриархіи XVI вѣка въ Турко-Греціи и у Heinessi.

стоилъ посѣтить патріарха и поговорить съ нимъ о христіанской вѣрѣ ¹⁾). Извѣстно, что по достовѣрнымъ разсказамъ, Магометъ будто бы такъ заинтересовался богословскимъ разговоромъ съ патріархомъ, что просилъ его изложить на бумагѣ главныя мысли, высказанныя Геннадіемъ въ бесѣдѣ съ высокимъ гостемъ. Къ чему это? Опять единственно затѣмъ, чтобы показать Грекамъ, какъ онъ дорожитъ де ихъ религіей. Султанъ, по нашему мнѣнію, явно обнаружилъ свою тенденцію, когда приказалъ богословскій трактатъ, изготовленный, согласно волѣ султана, Геннадіемъ даже перевести съ греческаго на турецко-арабскій языкъ ²⁾). Вѣдь извѣстно, что султанъ, кромѣ роднаго турецкаго и арабскаго, владѣлъ еще греческимъ языкомъ. Зачѣмъ понадобился переводъ? Опять — думаю — затѣмъ, чтобы внушить Грекамъ мысль, какъ султанъ будто-бы полюбилъ своихъ новыхъ подданныхъ. Богословскій трактатъ Геннадія, представленный Магомету, сохранился до нашего времени ³⁾). Нѣкоторые ученые позволяютъ сомнѣваться въ полной подлинности этого интереснаго документа ⁴⁾, но нужно сказать, что подобное сомнѣніе ни на чемъ не основано. Тѣ изъ ученыхъ, которые по роду своихъ занятій имѣли случай специально изучить трактатъ Геннадія, заявляютъ о полной его подлинности ⁵⁾. Съ своей стороны касательно содержанія разсматриваемаго трактата, мы должны сказать, что даже у самыхъ извѣстныхъ богослововъ древности не часто можно встрѣчать такую способность просто, ясно и точно описывать догматы христіанства, какъ находимъ это

¹⁾ Проф. И. И. Малышевскій въ своемъ сочиненіи о „Мелетіи“ (стр. 4), упоминая о перенесеніи патріаршей резиденціи въ монастырь „Всеблаженной“, замѣчаетъ: „султанъ посѣтилъ и новый храмъ патріаршій, бесѣдовалъ съ Геннадіемъ — и это уже не въ первый разъ“. Отсюда слѣдуетъ, что будто бы Магометъ II посещалъ и прежній храмъ патріаршій. Но такое заявленіе противорѣчитъ всѣмъ источникамъ.

²⁾ Hist. Polit., p. 29—31; Hist. Patr., 83, 93.

³⁾ Это сочиненіе Геннадія находится въ Histor. Patriarch., p. 83—93. Кромѣ того оно отпечатано въ Турко-Греціи, у Кигалы, у Киммеля (Monumenta fidei). Но здѣсь оно находится только въ латинскомъ текстѣ и притомъ съ варіаціями.

⁴⁾ Zinkeisen. Geschicht. des Osman. Reiches, II, 10.

⁵⁾ Kimmel. Monumenta fidei Pars I, prolegomena, II—III. Jenae. 1850 Gass. Gennadius und Pletho. S. 10. Bresl., 1844.

въ разсматривасомъ памятникѣ. Особенно замѣчательнѣ тактѣ, съ которымъ христіанскій архіерей излагаетъ христіанскія истины предъ могущественнымъ мусульманиномъ: деликатный и умный собесѣдникъ ни однимъ словомъ не затрогиваетъ чувствительныхъ струнъ иновѣрнаго султана, оставаясь однакожъ нелицеприятнымъ проповѣдникомъ истины.

Русскій ученый, проф. П. П. Малышевскій въ числѣ дѣйствій, ознаменовавшихъ патриаршествованіе Геннадія, указываетъ на борьбу этого патриарха съ симонією, допускавшеюся со стороны греческихъ архіереевъ. Г. Малышевскій пишетъ: „на дальнемъ востокѣ, давно уже поработенномъ мусульманами, существовалъ (особый) видъ платы за поставленіе на архіерейство—эта плата взималась иновѣрною властію. Патриархъ Геннадій въ своемъ извѣстномъ (?) отвѣтѣ на разные вопросы синаитовъ внушалъ не соблазняться этою платою, какъ печальною необходимостью. Но хуже—прибавлялъ онъ еще—это зло въ нашихъ странахъ (въ его патриархатѣ); у насъ продаютъ и покупаютъ архіерейство—христіане. Мы старались искоренить это зло и даже подавали (добрый) примѣръ, рукополагая многихъ архіереевъ не только безо всякой мзды, но и съ нашими издержками, потому что они были изъ плѣнныхъ; но нимало не успѣли“¹⁾. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Ген-

¹⁾ „Мелетій Писаетъ“ и пр., стр. 11. Авторъ говоритъ, что это мѣсто находится въ *извѣстномъ отвѣтѣ* (Геннадія) на вопросы синаитовъ. Но этотъ „отвѣтъ“ или посланіе вовсе не такъ извѣстно, какъ можно думать на основаніи словъ г. Малышевскаго. Поименованный авторъ, какъ это мы встрѣчаемъ теперь и ниже еще увидимъ, почему то далеко не всегда имѣетъ обыкновеніе дѣлать точныхъ ссылокъ на книги, какими онъ пользуется. Нашими личными усиліями (хотя мы знакомы съ сочиненіями Геннадія по изданіямъ Миня и Гасса) мы отыскали лишь отрывокъ изъ указаннаго посланія въ книгѣ преосвящ. Арсенія (Ивашенко): „Лѣтопись церковныхъ событій“ (стр. 560—561. Изд. 2-е, 1880). А что касается оригинала посланія, то онъ намъ остается неизвѣстнымъ (онъ напечатанъ въ книгѣ очень рѣдкой—XVII вѣка—*ἱεροκομική ἱστορία* Нектарія патр. Іерусалимскаго, которая имѣлась въ нашей академической превосходной библиотекѣ, но недавно затеряна, увы). Взамѣнъ оригинала, благодаря указаніямъ нашего достоуважаемаго проф. Е. Е. Голубинскаго, мы нашли переводъ Геннадіева посланія въ книгѣ преосв. Порфирія: „Первое путешествіе въ синайскій монастырь“ (стр. 138—143). Петрб. 1856. Мы сравнили выдержку изъ этого посланія, находящуюся у проф. Малышевскаго съ

надій говоритъ здѣсь о своихъ временахъ, а не о временахъ прошедшихъ? Но если онъ говоритъ о своихъ временахъ, то остается непонятнымъ: какъ неужели архіереи въ короткое правленіе Геннадія и при тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, которыя перевернули весь порядокъ жизни въ византійской имперіи — не уврачевались хотя на нѣкоторый срокъ отъ своихъ старыхъ недуговъ? Давая мѣсто приведенному извѣстію, мы однакожь находимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи по поводу его содержанія ¹⁾.

Геннадій правилъ константинопольскою церковью лишь два года и въ маѣ 1456 года онъ отказался отъ патриаршей кафедры. Почему Геннадій патриаршествовалъ недолго? Что было причиной его отреченія? Вопросы—на которые нѣтъ въ наукѣ прямого отвѣта. Существуетъ одинъ рассказъ, записанный въ *Historia patriarchica* и наводящій на мысль, что Геннадій долженъ былъ оставить кафедру изъ-за женщины: „ищите женщину“ (*cherchez la femme*), повидимому, и на немъ оправдалось это изреченіе нашего вре-

стрывкомъ изъ посланія у преосв. Арсенія и съ цѣлымъ посланіемъ у преосв. Порфирія и нашли, что кіевскій профессоръ тоже оригинала памятника не видалъ, а заимствовалъ свою выдержку или изъ преосв. Арсенія, или преосв. Порфирія, такъ какъ его выдержка буквально сходна съ текстомъ перевода у двухъ этихъ авторовъ, изъ которыхъ первый (преосв. Арсеній) несомнѣнно заимствовалъ Геннадіевъ отрывокъ, помѣщенный имъ въ Лѣтописи, — у преосв. Порфирія. Почему-то проф. Малышевскій не процитировалъ своего *источника*.

¹⁾ Содержаніе посланія дѣйствительно возбуждаетъ недоумѣнія (Жаль, что мы не имѣемъ оригинала). Такъ въ посланіи съ одной стороны говорится: „мы терпимъ и скрываемъ недостатки (симонію) пастырей здѣсь (конечно, въ Константинополѣ!), гдѣ *есть свобода* дѣлать и не дѣлать зло“, причемъ та страча, гдѣ живетъ авторъ противопоставляется странамъ, находящимся въ порабощеніи (Выходитъ, что посланіе писано до паденія Константинополя? А въѣвъ въ это время Геннадій не былъ патриархомъ); съ другой стороны въ немъ же сообщается: „у насъ нѣтъ ни царства, ни церкви свободной, ни торжественности ... и сколько петязаній отъ невѣрныхъ“ (Е. Порфирія, 142—143). А эти слова указываютъ, что Константинополь уже палъ и невѣрные имъ завладѣли. Какъ разобратъ среди этихъ противорѣчій? (Опускаемъ указаніе другихъ несообразностей посланія). Ужъ Геннадій ли писалъ посланіе? Содержаніе документа такъ темно, что оно, кажется, сбилось съ толку и самаго многоученаго преосв. Порфирія, ибо онъ допускаетъ (явно ошибочную мысль), что Геннадій былъ патриархомъ *до паденія* Константинополя. Авторъ напримъ пишетъ: „въ 1453 г. пало греческое царство. *Тогда* святительствовалъ въ Константинополѣ патриархъ Геннадій“ (*ibid.*, 138).

мени. А разсказывается въ указанномъ источникѣ слѣдующее: жила-была красавица попадья (по гречески *παλαδία*), — она была дѣйствительно красавица (*πολλὰ ἔμορφη*). Не хорошо было однакожь то, что при своей рѣдкой красотѣ — она очень рано овдовѣла. Вдовье положеніе дало ей излишнюю свободу, а пользоваться свободой она не умѣла. Она начала вести зазорную жизнь, сдѣлалась притчей во языцѣхъ, тѣмъ болѣе, что она и не старалась прикрывать свою нравственную паготу фиговымъ листомъ. А такъ какъ ея домъ отстоялъ недалеко отъ патриархіи, то скоро узналъ о ея нравственной гибели и патриархъ Геннадій. Будучи ревностнымъ пастыремъ, онъ желалъ наставить заблудшую овцу на путь истинный: увѣщевалъ попадью бросить позорную жизнь — увѣщевалъ ее и келейно, и въ присутствіи синода; но потерянная женщина не измѣняла своего поведенія. Мало того, по внушенію духа злобы, она начала даже клеветать на патриарха: разсказывала всѣмъ, что однажды Геннадій, призвалъ ее къ себѣ какъ будто бы для увѣщаній, на самомъ же дѣлѣ хотѣлъ-было совершить надъ нею насиліе. Въ Константинополѣ поднялся говоръ. Одни защищали патриарха, другіе нападали на него. Тогда патриархъ въ одинъ изъ праздниковъ объявилъ всенародно въ церкви, что если та женщина говоритъ о немъ правду, то она получить благоволеніе въ очахъ Божіихъ, а если она распространяетъ ложь, то послѣ ея смерти тѣло ея не обратится въ персть — въ наказаніе за клевету. Скоро умерла злосчастная, и тѣло ея не обращалось въ персть: въ гробу она лежала точно живая — и только что не говорила (*μόνον δὲν ὄμιλε*) ¹⁾). Разсказъ этотъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями повторяетъ и Героеей Мопемвасійскій ²⁾). Легендарность разсказа бросается въ глаза, и не стоило бы большаго труда доказать его фантастичность. Но мы считаемъ за лишнее дѣло брать на себя критику приведеннаго разсказа, потому что въ немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о томъ, о чемъ мы говоримъ теперь — объ отреченіи Геннадія отъ каеодры. Изъ разсказа не видно, что-бы этотъ инцидентъ — допустимъ на минуту его дѣйствительность — заставилъ Ген-

1) Hist. Patr., p. 119—120.

2) *Δωροθέου. Βιβλ. ἱστορικόν, σελ. 426—427.*

надія удалиться отъ дѣлъ правленія. И однакожь не только писатели второстепенные, но и самъ М. Гедеонъ, Гедеонъ—столпъ теперешней церковно-исторической науки въ Константинополь — утверждаютъ, что будто красавица-попадья была причиной отреченія Геннадія отъ каведры ¹⁾. Какъ приходятъ къ такому оригинальному выводу разные другіе писатели—насъ это мало интересуетъ; остановимся лишь на разсмотрѣніи того, какимъ образомъ получился этотъ неожиданный выводъ у Гедеона. Константинопольскій ученый отлично понималъ, что изъ разказа о прелюбодѣйной красавицѣ ровно нельзя сдѣлать никакого заключенія по вопросу объ отреченіи Геннадія. Поэтому, онъ старается дать разказу надлежащій смыслъ чрезъ сопоставленіе его съ другими извѣстіями объ обстоятельствахъ отреченія Геннадія, находящимися въ томъ же памятникѣ, гдѣ заключается и первоначальная повѣсть о попадѣ. Не мѣшаетъ пояснить для читателя, что разказъ объ этой послѣдней личности помѣщенъ въ памятникѣ при изложеніи исторіи одного позднѣйшаго патріарха, правившаго церковію 20 лѣтъ спустя послѣ Геннадія, а извѣстія объ отреченіи Геннадія изложены въ памятникѣ тамъ, гдѣ имъ и быть надлежитъ—при передачѣ свѣдѣній о первомъ патріархѣ турецкой эпохи. Что же это за извѣстія объ обстоятельствахъ отреченія Геннадія? Какую связь они имѣютъ съ повѣствованіемъ о необыкновенной попадѣ? Въ памятникѣ объ отреченіи Геннадія говорится, что въ константинопольской церкви возникло много большихъ соблазновъ, почему патріархъ и рѣшилъ оставить свой постъ. Онъ созвалъ соборъ, представилъ грамоту, въ которой написалъ свое отреченіе. Архіерси, клирики и весь народъ стали упрашивать Геннадія измѣнить свое намѣреніе, но Геннадій остался непреклоннымъ ²⁾. Гедеонъ, приводящій этотъ разказъ подлѣ и послѣ повѣствованія о злосчастной попадѣ—почему то воображаетъ, что сейчасъ переданное лѣтописное сказаніе объ отреченіи Геннадія служитъ выводомъ изъ повѣствованія о попадѣ; но мы рѣшительно не видимъ ни малѣйшей связи между двумя представленными разказами. Непонятно:

1) *Γεδεών, σελ.* 472.

2) *Hist. Patr.*, p. 94. Cf. *Γεδεών, σελ.* 473.

какъ Гедеонъ не обратилъ вниманіе на то важное обстоятельство, что, хотя авторъ памятника, въ которомъ заключаются вышеизложенные два разсказа, зналъ оба эти разсказа, но не поставилъ ихъ въ генетическую связь, передалъ ихъ при изложеніи исторіи разныхъ патріарховъ (Геннадія и Максима) и отнюдь не сдѣлалъ того вывода, какой дѣлаетъ Гедеонъ и ему подобные рѣшительные и смѣлые историки. А какъ скоро авторъ первоисточника не сдѣлалъ указаннаго вывода, послѣдующіе историки лишены права поступать вопреки намѣреніямъ своего руководителя въ наукѣ. Гедеонъ, повидимому, придаетъ большое значеніе въ разсказѣ объ отреченіи Геннадія фразѣ, что тогда, т. е. предъ временемъ отреченія „возникли въ Константинополѣ многіе и большіе соблазны“; по что можно построить на этой общей фразѣ? Ровно ничего. Она не даетъ никакой опредѣленной мысли историческаго достоинства. Да и нужно помнить, что эту самую фразу тотъ же самый авторъ весьма часто вставляетъ въ свои разсказы и къ дѣлу—и не къ дѣлу; это его *locus topica* ¹⁾. Затѣмъ древній разсказчикъ о событіи отреченія Геннадія говоритъ, что архіерен, клирики и *весь* (*ὅλος*) народъ упрасивали Геннадія не покидать кафедръ; не такое общее моленіе не представимо, если возьмемъ во вниманіе разсказъ о всеобщемъ соблазнѣ изъ за попадыи, соблазнѣ, раздѣлившемъ на двѣ партіи и жителей столицы, и жителей подгородныхъ, о чемъ нашъ источникъ говоритъ очень настойчиво. Значитъ: или было общее моленіе, но въ такомъ случаѣ не было сейчасъ указаннаго дѣленія въ народѣ на партіи; или если были партіи, то не могло быть общаго моленія. Что нибудь одно изъ двухъ. А слѣдовательно два разсказа, о которыхъ у насъ рѣчь, не стоятъ въ связи между собою, противорѣчатъ одинъ другому, чего кажется совсѣмъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать Гедеонъ. Итакъ, по нашему мнѣнію, „искать женщину“ въ вопросѣ объ отреченіи Геннадія—не слѣдъ. Такъ многіе и дѣлаютъ, т. е. шикантный разсказъ о попадѣйѣ оставляютъ безъ малѣйшаго вниманія. Такъ дѣлаетъ

¹⁾ Hist. Patr. p. 96 (*σκέδαλα*—при патр. Іоасафѣ I; *ibid.*, p. 101 (*πολλὰ σκέδαλα*—при патр. Маркѣ); *ibid.*, p. 108 (*σκέδαλα* при Дионисіи). Патриаршества этихъ ближайшихъ преемниковъ Геннадія взяты слодрядъ.

и К. Сата, и нужно отдать ему честь — поступает похвально ¹⁾). Онъ думаетъ, что Геннадій оставилъ время правленія церковію потому, что пожелалъ душевнаго покоя и рѣшилъ остатокъ дней своихъ посвятить уединенію и молитвѣ. Нужно сказать, что, высказывая подобное соображеніе, Сата не остается одинокимъ съ своимъ мнѣніемъ. Нѣтъ, въ пользу этого ученаго говоритъ и такой источникъ, какъ *Historia Politica*, здѣсь говорится, что Геннадій потому отказался отъ правленія, что пожелалъ уединенія и неразвлеченнаго житія ²⁾). Мотивъ для отреченія Геннадія — возможный. Но къ сожалѣнію, онъ ничего рѣшительно не говоритъ ни уму, ни сердцу историка. Такой мотивъ обыкновенно выставляется тогда, когда не знаютъ, что еще можно было бы сказать. Это объясненіе событія едва ли кого удовлетворитъ. — Разсмотримъ еще одно и послѣднее объясненіе, которое дается, когда хотятъ выразумѣть причину оставленія кафедры Геннадіемъ. Въ старинномъ жизнеописаніи Геннадія, написанномъ на латинскомъ языкѣ (напечатанномъ между прочимъ и у Миши) приводится отрывокъ изъ какого то сочиненія, будто бы Геннадіева, — сочиненія по-видимому, имѣющаго цѣлью объяснить, почему этотъ патріархъ покинулъ кафедру. Въ этомъ отрывкѣ главнымъ образомъ упирается на распущенность монаховъ, которые и прежде и теперь служатъ будто бы тормазомъ, препятствующимъ идти дѣламъ церковнымъ своимъ чередомъ ³⁾). Но мы не приписываемъ ни малѣйшаго значенія разсматриваемому отрывку ⁴⁾). Во-первыхъ, — этотъ отрывокъ извѣстенъ только въ латинскомъ текстѣ, и нѣтъ его на томъ языкѣ, на которомъ говорилъ и писалъ Геннадій; во-вторыхъ Греки, ученые между нами, не знаютъ никакого акта отреченія Геннадія, и, сколько знаю, никогда не пользуются подобнымъ актомъ для разъясненія Геннадіева удаленія отъ дѣятельности патріаршей; въ третьихъ, документъ бѣденъ содержаніемъ и носитъ черты риторики; въ четвертыхъ, въ

¹⁾ Σάτα-Νεοελληνική γιλολογία, σελ. 18.

²⁾ Hist. Polit. p. 31.

³⁾ Renaudotii. De Gennadii vita, p. 264—265 (Migne, Gr. tom., 160).

⁴⁾ Изъ русскихъ писателей полнымъ довѣіемъ облакаетъ этотъ документъ, кажется, только одинъ проф. Малышевскій. „Мелетій Пигасъ“, стр. 7.

нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ противорѣчитъ достовѣрнымъ историческимъ извѣстіямъ, напр., въ немъ говорится, что Геннадій избранъ въ патриархи „соборомъ многихъ епископовъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ“, но это противорѣчитъ твердымъ лѣтописнымъ показаніямъ ¹⁾.

Итакъ мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи точныхъ данныхъ, которыя бы давали намъ возможность уяснить побужденія, заставившія Геннадія покинуть кафедру. Исторія не знаетъ ничего опредѣленнаго по этому вопросу. Съ своей стороны думаемъ, что заставить Геннадія оставить свой постъ могло что нибудь очень важное, непреоборимое. Съ иновѣрнымъ правительствомъ патриархъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; духовенство его любило и уважало. Не здѣсь нужно искать поводовъ къ его отреченію. Въ то время, время тяжелое и мудреное, какое наступило съ паденіемъ Византіи и утвержденіемъ мусульманской имперіи, всякій самоуважающій человѣкъ, любящій свой народъ и свое призваніе—а такимъ и былъ Геннадій—могъ покинуть многотрудное служеніе церкви и своему народу—только по причинѣ, отъ него независимой, какова напр. болѣзнь. Думаемъ, что единственно слабость здоровья заставила Геннадія искать успокоенія отъ дѣлъ правленія. Перенеся такъ много нравственныхъ потрясеній, нужно полагать, онъ заболѣлъ и физически. Нѣкоторымъ основаніемъ для нашей догадки служить скоро затѣмъ послѣдовавшая кончина Геннадія. Компетентные греческіе лѣтописцы ничего не говорятъ о времени смерти Геннадія. Гедеонъ тоже не дѣлаетъ никакихъ предположеній о томъ, когда умеръ этотъ патриархъ. Но Сата ²⁾ утверждаетъ, что онъ скончался около 1460 года. Мыѣ кажется, что смерть Геннадія случилась еще ранѣе. Дѣло въ томъ, что Сата, указывая эту дату, руководился еще старыми представленіями о продолжительности патриаршества Геннадія, т. е. полагалъ, что онъ управлялъ церковью не два года, что совершенно правильно, а пять лѣтъ,

¹⁾ Франдзій при этомъ случаѣ (т. е. при разсказѣ объ избраніи Геннадія) говоритъ только о такихъ архіереяхъ, какіе нашлись въ Константинополѣ, и о немногихъ клирикахъ (Frantzae, 893); Hist. Patr. при томъ же случаѣ отмѣчаетъ лишь нѣсколькихъ архіереевъ сосѣднихъ мѣстъ (*ἐσόντων μερικῶς τοὺς πλησίον ἀρχιερεῖς*) p. 80).

²⁾ Σάθα. Νεοελλην. φιλολογία σελ. 18. Cf. Γεδεών, σελ. 474.

что очень не точно; поэтому, сообразно новымъ исчисленіямъ лѣтъ правленія Геннадія, можно утверждать, что смерть его, вѣроятно, послѣдовала настолько же лѣтъ раньше, насколько слѣдуетъ сократить время его патріаршествованія, т. е. допускать, что Геннадій умеръ около 1457 года.

Вотъ наши свѣдѣнія о патріаршествованіи Геннадія Схо-ларія.

А. Лебедевъ.
